

НЕ БОЙСЯ, ЦЕЛ ТВОЙ КОРАБЛИК

Истории, рассказанные преподобным
Варсонофием Оптинским

Москва
«Никея»
2020

УДК 248.1
ББК 86.372
Н 38

*Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р 16-608-0321*

Не бойся, цел твой кораблик. Истории, рассказанные преподобным Варсонофием Оптинским / Сост. Г. Соколова. — М.: Никея, 2020. — 448 с. : ил.

ISBN 978-5-907307-13-1

В книге собраны истории, рассказанные преп. Варсонофием Оптинским (1845–1913) и записанные его духовными чадами. Будучи человеком образованным и обладая даром слова, старец умел увлечь слушателей своими рассказами. Его духоносные беседы изобиловали историями из житий святых, из монастырской и мирской жизни. Из множества бесед преп. Варсонофия издатели выбрали назидательные случаи, которые, несомненно, будут полезны и современным читателям.

**УДК 248.1
ББК 86.372**

Содержание

От составителя.....7

Жизнеописание

преподобного Варсонофия Оптинского.....9

Вся жизнь есть дивная тайна,
известная одному лишь Богу.....21

Великие чудеса творит вера христианская —
она перерождает человека.....101

Земная жизнь — это ночь,
во время которой легко нападать врагу,
но духовное водительство спасает нас.....131

Все лучшие люди всегда стремились
к Богу, источнику истины.....237

Монашество есть блаженство,
которое только возможно
для человека на земле.....283

Есть еще на Руси святые места,
тихие пристанища для желающих спастись.....327

Иисусова молитва есть сильнейшее,
необходимейшее оружие
в деле нашего спасения.....395

Читайте жития святых!
Это чтение побудит вас к подражанию.....421

Литература и основные источники.....446

От составителя

«Помните, как мы собирались в моей маленькой молельной, которая едва могла всех вместить? Кто располагался на диванчике, кто на стульях, а кто на скамеечке. И беседовали мы иногда часа по два или три при мерцающем свете лампы перед Ликом Спасителя, кротко взиравшего на нас, а с полотна вырисовывалась белоснежная фигура Ангела. Хорошо нам было! Отдыхали и вы, и я душою» — так вспоминал старец Варсонофий свой милый скит и духовные беседы, которые он проводил с паломниками. И в последний год своей жизни в Голутвине обремененный заботами и болезнями Старец все-таки находил время для бесед. «Что делать, — говорил он смиренно, — надо благодарить Бога и за то, что есть: если нет белого хлеба, то едят черный, а иногда и черствый — все лучше, чем ничего. Так и мы будем довольствоваться тем, что есть. Я раньше вам говорил и теперь повторяю, что наступит время, когда люди будут обтекать горы и моря, чтобы найти живое слово, и не найдут».

Его духоносные беседы изобиловали множеством историй из житий святых, из монастырской и мирской жизни. Будучи человеком начитанным

и обладая даром слова, он умел увлечь слушателей своими рассказами. «Беседы свои я говорю экспромтом, не приготавливаясь, что внушит мне Господь, о том и беседую с вами, как тот нищий, про которого Полонский говорит:

И что Господь ему пошлет,
Все с благодарностью берет,
А после делит пополам
С такими ж нищими, как сам».

Старец Варсонофий учил, что «если жить, вникая во внутренний смысл жизни, то увидишь дивную премудрость и глубину во всем». Он говорил: «Вся жизнь проходит в суете. Ум идет посреди суетных мыслей и соблазнов. Но постепенно он навывает помнить о Боге так, что в суете и хлопотах, не думая, будет думать, не помня — помнить о Нем. Только бы шел не останавливаясь. Пока есть в тебе это стремление вперед — не бойся, цел твой корабль и под сенью креста совершает свое плавание по житейскому морю. Цел он — и не надо бояться возможных житейских бурь».

Из множества бесед старца Варсонофия издатели выбрали назидательные случаи, которые, несомненно, будут полезны и нашим современникам. Этот удивительный благоуханный букет мы и предлагаем всем любящим духовное наследие преподобных Оптинских старцев.

*Жизнеописание
преподобного Варсонофия Оптинского*

«Удрученный болезнями... обремененный 7-ю десятками прожитых мною лет, с великой скорбью, как на распятие, отправлялся я из родного моего Скита и, как под терновый венец, преклонил главу мою под золотую митру...» Это слова уже смертельно больного Оптинского старца Варсонофия из его прошения митрополиту Московскому Макарию, написанного в марте 1913 года в Голутвинском монастыре.

Если мы взглядом, исполненным любви и внимания, прикоснемся к житию преподобного Варсонофия, то увидим, что вся его многотрудная и многоскорбная жизнь насквозь пронизана желанием жить по воле Божией и исполнять Его святые заповеди.

В детстве Паше Плиханкову, будущему старцу Варсонофию, трудно было вставать к ранней литургии, но за послушание матери, которую он очень любил, он вставал и шел в храм. «Еще совершенно темно, я по временам проваливаюсь в сугробы снега и спешу за матерью...» — вспоминал о. Варсонофий.

А потом был таинственный старец, неизвестно откуда появившийся в их саду и сказавший отцу Паши: «Помни, отец, это дитя в свое время будет тащить души из ада!»

Когда мальчик учился в гимназии в Полоцке, то на каникулах вставал в 5 утра, за час до общего подъема, и уходил молиться в березовую аллею. «И тогда я молился так, как никогда уже более не молился: то была чистая молитва невинного отрока. Я думаю, что там я себе и выпросил, вымолил у Бога монашество».

Шли годы. Павел был уже молодым человеком, офицером, но, несмотря на то что и ему были не чужды невинные развлечения и удовольствия своего возраста, все-таки он сохранял возвышенный и аскетический настрой души. Комната его напоминала келью монаха. Товарищи называли его идеалистом. «Вот этот „идеалист“ и привел меня сюда в Скит», — с мягкой улыбкой говорил Старец.

Мать предлагала ему присмотреться к невестам, и за послушание он вступал в разговор с некоторыми из них. Однажды его пригласили на званый обед. «Ну, думаю, с кем мне придется сидеть рядом, с тем и вступлю в пространный разговор. И вдруг рядом со мной на обеде поместился священник, отличавшийся высокой духовной жизнью, и завел со мной беседу о молитве Иисусовой. Я так увлекся, слушая его, что совершенно забыл о своем намерении разговаривать с невестами... У меня созрело твердое решение не жениться, о котором я сообщил матери. Матушка очень обрадовалась. Ей всегда хотелось, чтобы я посвятил свою жизнь Господу, но сама она никогда не говорила мне об этом».

С 1884 года Павел Иванович Плиханков жил в Казани. Служил он при штабе Казанского военного округа. Постепенно среди его знакомых стали появляться монахи и люди духовного звания. «Слышали ли вы, — шептались сослуживцы, — Павел-то Иванович с монахами сошелся! Чай с ними пьет, беседует...» — «Неужели? Вот несчастный человек...» Мир не понимал его возвышенных устремлений.

«У меня всегда было желание спасения, — вспоминал позже Старец, — но окружающие меня люди были равнодушны к вере, опоры найти было не в ком. А между тем мысль говорила мне, что так жить нельзя. Я не знал, на что решиться. Один знакомый инок утешил меня: предайтесь на волю Божию... Господь все устроил, и я теперь хотя недостойный, но все же инок».

Однажды, будучи по делам службы в Москве, Павел узнал, что в одном из армейских храмов служит о. Иоанн Кронштадтский. Увидев вошедшего в алтарь военного, о. Иоанн молча поцеловал ему руку. «Не будет ли этот полковник священником?» — зашептали присутствующие.

В августе 1889 года Павел Иванович Плиханков в белоснежном полковничьем кителе, с сердцем, горящим любовью к Богу, приехал в Предтеченский скит Оптиной пустыни. Выслушав слова полковника о его желании поступить в обитель, старец Амвросий отвечал: «Нет, еще рано, через два года поступите».

Это были два сложных года искушений, трудностей и борьбы. Мир не хотел отпускать подвижника.

Но ни представление к генеральскому чину, ни запоздалые предложения женитьбы, ни возможность заграничных путешествий уже не могли заглушить стремления Павла к выбранному узкому монашескому пути. «Монашество есть блаженство, — говорил он впоследствии. — Выше этого блаженства нет ничего. И это потому, что монашество дает ключ к внутренней жизни».

В возрасте 46 лет, полковник в отставке, человек, умудренный огромным житейским опытом, оставляет мир и поступает послушником в Скит Оптиной пустыни. Сбываются таинственные слова, которые он услышал в своем сердце, когда однажды в Казани молился перед иконой Спасителя: «Теперь ты Мой».

Наступили годы подвижнической, внутренней, благодатной монашеской жизни. Послушник Павел живет уединенно, изучает творения святых отцов, внимательно занимается Иисусовой молитвой, ведет жестокую брань с бесами... «Знаешь, мать, какой человек есть у нас в Скиту? — говорил одной монахине скитоначальник старец Анатолий. — Вот с ним я бы мог быть вполне единомысленным».

Уже будучи в рясофорном постриге, он по благословению старца Иосифа пишет письма, ведет летопись, участвует в издательской деятельности Скита.

1 декабря 1900 года во время тяжелой болезни он был пострижен келейно в мантию с именем Варсонофий, в честь святителя Варсонофия Казанского.

Интересен словесный духовный портрет о. Варсонофия, оставленный нам замечательным писателем Евгением Поселяниным: «Отец Варсонофий был человек высокой богословской начитанности. По внешнему виду он очень напоминал одного из евангелистов. Все его лицо носило на себе отражение великой думы, высокой воли, недюжинного ума, глубокого чувства и безгранично сильной веры. Но что особенно поражало и привлекало к нему, это его глаза. В них таился какой-то глубокий, проникновенный свет. Стоило только раз попасть под взгляд о. Варсонофия, чтобы почувствовать на себе всю чистоту и боговдохновенность этого человека».

В конце декабря 1902 года его рукополагают в иеродиаконы, а уже через три дня, 1 января 1903 года, — в иеромонаха. Он назначается помощником старца в Скиту и духовником шамординских сестер.

В апреле 1904 года, в качестве военного священника в лазарете имени преподобного Серафима Саровского, иеромонах Варсонофий был послан на Русско-японскую войну на Дальний Восток. «Батюшка почувствовал всю трудность исполнения сего послушания, — записал в своем дневнике о. Никон, — но не отказался, а принял его как от руки Господней, хотя оно было плодом недоброжелательства некоторых».

Все свои силы, весь духовный опыт, сострадательное и любящее сердце приносил о. Варсонофий

в жертву человеческой боли. «Ежедневно привозили множество раненых, и я, как Господь помогал, утешал, а умирающих соединял со Христом причащением Святых Тайн. Часто случалось: подойдешь к какому-нибудь больному — у кого живот пробит и вырваны куски кишок, у кого рука или нога раздроблены, — подойдешь к нему, а он страдает не столько от боли, сколько от воспоминаний о родной семье. У него и жена, и маленькие ребятки, которые ждут возвращения своего тяти, а тятя лежит в госпитале с неисцельной раной. Надо иметь каменное сердце, чтобы пройти мимо такого страдальца».

Через полтора года, в ноябре 1905 года, исполнив послушание священноначалия, иеромонах Варсонофий возвратился в любимый Оптинский Скит. 14 мая он был назначен скитоначальником с возведением в сан игумена.

Как из благословляющей руки Божией, с сердечным трепетом, с огромной ответственностью принял игумен Варсонофий новое послушание.

Период старчества преподобного Варсонофия в Оптиной — это удивительный, плодоносящий, самый прекрасный отрезок его монашеской жизни. Слава о нем как о духоносном старце разлилась по всей России. Тысячи утомленных и запутавшихся людей устремились в Предтеченский скит к старческой хибарке. Тысячи писем приходило на его имя, и ни одно из них не оставалось без участливого и внимательного ответа.

Духовные беседы, которые проводил о. Варсонофий с богомольцами, были наполнены неистощимой любовью, глубокой мудростью, знанием души человека.

«В тяжелое время мы живем, — размышлял Старец. — Монашество не отличается прежней строгостью, слабы мы и немощны, а приходится иногда ободрять других. Вот и я нахожусь в таком же состоянии, слабый и немощный, сам требую помощи и утешения, а приходится по долгу моего сана утешать обращающихся ко мне. В Оптину приезжают из мира, который уже не стонет, как прежде, а ревет. Приезжают, ища утешения и успокоения. Хотят помолиться, побыть среди этой мирной обстановки, а то, может быть, и Батюшка что скажет на пользу, его послушать... И с помощью Божией, по вере своей, получают искомое и уезжают умиротворенными. Нынче множество голосов раздается против монашества, люди мира сего под влиянием духа зла хотели бы совершенно стереть монастыри с лица земли, но они продолжают существовать под покровом благодати Божией. Труден путь монашеский, но зато он несет с собою такие высокие радости, о которых мирские люди не имеют понятия и ради которых можно позабыть все скорби и тесноту иноческой жизни».

Очень многим страждущим, искалеченным миром людям помог Старец, очень многих вытащил из ада суетной жизни, вывел из дебрей сомнений на простор чистой, глубокой веры. К нему за советом стремились интеллигентные, образованные, но

мечущиеся и запутавшиеся в новомодных учениях «серебряного века», люди.

В самом Предтеченском скиту сохранялся и преумножался строгий порядок монашеской жизни. Старец Варсонофий показал себя последовательным и добросовестным продолжателем оптинских старческих традиций. «У нас в Скиту сохранился древний обычай: каждый день вечером приходить к Старцу на благословение и откровение помыслов. К сожалению, этот святой обычай почти во всех других монастырях оставлен. А между тем враг день за днем столько наплетет, что иноку и распутать трудно, а придет он к своему авве, расскажет все, тот его наставит, утешит, и сети врага разорвутся легче паутины...».

В июле 1910 года, во время очередной тяжелой болезни старец Варсонофий был келейно пострижен в великую схиму. «Схима — это край: или смерть, или выздоровление, — говорил он, — я чувствую, схима меня подняла. Мне надлежало умереть, но дана отсрочка». Эта небесная отсрочка была дана ему для продолжения старческого служения, духовной борьбы, окормления страждущих, изголодавшихся по духовной пище душ...

«Пребывание в Оптиной — это величайшая милость Божия, которую безусловно необходимо заслужить жизнью, соответственной заветам великих старцев, в Оптиной почивающих», — говорил о. Варсонофий.

«Революционный» дух, коснувшийся некоторой части оптинской братии, человеческая зависть,

недовольство строгостью и принципиальностью Старца во многих духовных вопросах, клевета, льющаяся из либеральных салонов, и, наконец, злоба князя мира сего нарастали как снежный ком и внешне обрушались на смиренного, кроткого, убежденного седидами о. Варсонофия.

«Началось с того, что были доносы на отца архимандрита (Ксенофонта) о порубке лесов, Скит был в стороне, так как дело касалось монастыря. Доносы были ложны, леса оказались целы. Скит вступился за архимандрита и его отстоял. Тогда враг напал на грешного игумена Варсонофия и, как видите, изгнал его из Оптиной пустыни. Приехал архиерей из какой-то чужой епархии, начал производить ревизию монастыря, а затем побывал и в Скиту. Сказали ему, что у нас давно старчество и вот последний старец игумен Варсонофий. Тогда он решил якобы для насаждения старчества в других местах перевести меня в заброшенный монастырь в Коломну... Воле Святейшего Синода я повинуюсь, как воле Божией, но просил себе милости оставить меня здесь простым монахом, но было отказано. Верно, так угодно Господу, и я спокоен».

Решением Священного Синода он был переведен настоятелем Старо-Голутвина монастыря с возведением в сан архимандрита.

И здесь, в новом месте, обессиленный, но все же крепкий духом Старец начинает утверждать монашескую жизнь, налаживать богослужение, духовно окормлять мирян. «С разных концов прибыли

вы сюда: кто из Питера, кто из Москвы, из далекого Тамбова и т. д., собрались в нашу смиренную обитель, под крылышко преподобного Сергия, — и знайте все, что примет Преподобный эту жертву вашу и помолится за вас. Все вы съехались, чтобы получить духовное утешение и отдохнуть здесь от житейской суеты. Не материальные расчеты руководили вами, когда из дальних мест стремились вы в нашу тихую обитель; эти Святки, или святые дни, проводите вы здесь как должно, как учит наша Святая Православная Церковь: посещаете храм Божий, молитесь, слушаете мою убогую беседу... Святые дни — какие чудные слова», — говорил в одной из бесед Старец.

Приближались голгофские дни всей жизни старца Варсонофия. Давний, многолетний недуг подтачивал неможное тело праведника. Душою он все же был в родной Оптиной, в ее милом, тихом, благоухающем Скиту... 12 марта он писал скитоначальнику схиигумену Феодосию: «В минуты скорбных дум, по поводу разных тягот, уношусь мысленно в милую Оптину, в родимый Скит... Быть может, Господь сподобит меня затвориться в нем и подготовиться к смерти, которая, видимо, приближается... останавливаюсь пока на решении: ожидать ясного указания воли Божией...»

Положение с каждым днем становилось все серьезнее. Письмоводители Старца, чередуясь с келейниками, день и ночь не отходили от его постели. Даже в сильных страданиях Батюшка не забывал

о своих духовных чадах, в особенности заботясь об окружающих его; и как трогательны были эти заботы! Он много учил их за это время терпению, смирению и жизни в духе. *«Приидите, чада, послушайте мене, — говорил он, — честная бо реку...»*; а они, окружив его одр, со скорбью взирали, как угасал этот великий светильник. Благоговейно, затаив дыхание, жадно ловили они каждое его слово, ясно сознавая, что иссякает уже навеки этот источник воды живой.

На попытки келейников хотя бы как-то облегчить его страдания изможденный Старец тихо говорил: «Оставьте. Я распят и жду, когда меня снимут с креста». «Батюшка Лев, батюшка Макарий, батюшка Амвросий, батюшка Иларион, батюшка Анатолий, батюшка Иосиф, помогите мне вашими святыми молитвами», — взывал Старец. Последние его слова были о рае.

1 апреля 1913 года, в семь часов утра оптинский старец схиархимандрит Варсонофий «предал душу свою в руце Господа, Которого возлюбил всем сердцем и ради Которого всю свою жизнь распинал себя до последней минуты».

Похоронен был Старец в любимой цветущей весенней Оптиной пустыни, около Введенского храма, близ могилы своего дорогого учителя старца Анатолия. Так закончился земной путь блаженного оптинского преподобного Варсонофия.

«Лучше соглашайтесь подъять тысячу смертей, чем уклониться от Божественных заповедей евангельских и дивных установлений иноческих.

Мужайтесь в подвиге, не отступайте от него», — писал старец Варсонофий в своем духовном завещании.

Близкий духовный друг и сотаинник Старца митрополит Трифон (Туркестанов) в слове на отпевании произнес: «Как пастырю, мне прекрасно известно, какое море скорбей, сомнений и греха окружает современное человечество; знаю я, что люди часто доходят до бездны отчаяния, до самоубийства, — и потому-то я знаю, как драгоценны в наше время именно старцы-руководители, подобные почившему Батюшке. В момент конечной гибели отчаявшемуся человеку является такой старец и говорит: „Погоди, не бойся, не приходи в отчаяние, еще не все потеряно, давай мне руку, я выведу тебя на дорогу, обопрись на меня, я поведу тебя, подниму твои скорби, помогу снова начать жизнь“. Таким старцем был Батюшка: он жил скорбями своих детей и сгорел в скорбях».

Сегодня и мы, немощные христиане XXI века, спустя целое столетие после кончины старца Варсонофия, ныне украшающего созвездие святых Оптинских старцев, с любовью припадая молитвенно к драгоценной раке святых цельбоносных мощей, чувствуем его горячее заступничество. Взирая из райских святых обителей, преподобный ласково и смиренно утешает каждого из нас.